

**НАРРАТИВНАЯ ИНТРИГА В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ХОЗЯЙКА»
NARRATIVE INTRIGUE IN THE STORY BY F. M. DOSTOEVSKY
“MISTRESS”**

Аннотация: В статье рассматривается нарративная организация художественного текста Ф. М. Достоевского «Хозяйка». Обращение к нарративной интриге позволяет выделить трудные для понимания читателя структурные элементы и определить их место и роль в нарративной организации повести. Чтобы реализовать поставленные задачи, автор анализирует ключевые сюжетно-нарративные события, с помощью которых создается структурное напряжение и нагнетается особая психологическая атмосфера. При этом проясняются функции персонажей повести.

Ключевые слова: нарративная интрига; психологический анализ персонажей; энигматическая интрига; «Хозяйка» Достоевского; нагнетающая атмосфера; явление фольклорной загадки; болезненное состояние; сновидения.

Abstract: The report considers the narrative organization of the artistic text of F. M. Dostoevsky “Mistress”. The appeal to narrative intrigue allows to identify structural elements difficult for understanding of the reader and determine their place and role in the narrative organization of the story. In order to realize the tasks set out in the report, the author seeks to analyze the key narrative events, through which structural tension is created and a special psychological atmosphere is created. The functions of the characters of the story are clarified.

Keywords: narrative intrigue; psychological analysis of characters; enigmatic intrigue; “Mistress” Dostoevsky; uplifting atmosphere; folklore mystery phenomenon; painful condition; dreams.

Нарративная организация повести Достоевского Фёдора Михайловича «Хозяйка» строится на напряженных моментах нагнетающей атмосферы, где присутствует явление фольклорной загадки и глубокий анализ психологии персонажей. На материале повести исследуются события, реализующиеся в процессе наррации. Следует отметить, что нарративная организация художественного текста имеет сложную структуру. Некоторые части повести организованы непонятно и развернуты как многоплановые лабиринты загадок, поэтому не могут быть однозначно объяснены или проанализированы (например, явь и видения Ордынова). Рассмотрим же более подробно нарративную интригу, с помощью которой изображается портрет сознания, отделенного от окружающего мира,

страдающего отсутствием связи с людьми. В произведении основное внимание уделяется событиям, которые сводятся к минимуму, но являются центральными. Суть этих событий заключается в попытке героя выйти из себя и найти путь к другому. Основная идея нарративной интриги, по выражению В. И. Тюпы, заключается в том, что она обращается не к самому сюжету, а к читателю. Интрига создает напряжение в ходе событий, которое вызывает определенные ожидания у читателя и предполагает их «...удовлетворение ожиданий, порождаемых динамизмом произведения» [3, с. 30].

Соединения трудных или вовсе не соединимых событий указывает на особенность структуры эпизодов, которая построена в соответствии с энигматической интригой «...от несчастья к счастью или от счастья к несчастью» [1, с. 50]: встреча с прекрасной девушкой в церкви – нападение колдуна на ученого (в I части, II); признание в любви – предательство любимой (во II части, I); чары хозяйки действуют, и ученый набрасывается на старика – уход ученого от загадочной пары (во II части, II); хозяйка вновь посещает разум ученого – колдун и хозяйка возвращаются «в своё место» (во II части, III). По мнению Тюпы Валерия Игоревича: «Особое место среди неклассических нарративных практик следует отвести энигматической интриге тайны и откровения. Данная интрига не имеет априорных фаз, но и не сводится к кумулятивному принципу развертывания нарастающего напряжения. Сюжетная схема, коррелирующая с энигматической интригой, состоит в перипетийном чередовании сегментов наррации, приближающих и удаляющих момент проникновения в тайну или обретения смысла» [4, с. 72].

Читая текст, мы видим, как нарратор прокладывает тропинку к раскрытию всех карт в бесконечном сне. Все начинается со страсти Василия к науке и заканчивается посещением церкви, где он увидел будущую Хозяйку своих сновидений и колдуна, который имел власть над всем миром. События в повести не следуют друг за другом, так как три главных героя все время обращаются к прошлому и пребывают в лихорадочном состоянии, в особенности Мурин и Ордынов, которые к тому же еще видят сны. Итак, события в повести чередуются так: жизнь в сновидениях; момент откровенного таинства между колдуном и дочерью (или женой); все тайное становится явным (Василий узнает всё о загадочной паре); трагичная судьба Катерины (девушка рассказывает Ордынову свою жизнь до встречи с Муриным и после); гаданье и нападения Василия на Мурина, которое было оборвано, не начавшись. В конце концов все герои возвращаются на свои места. Только теперь к Василию является во снах Катерина как символ страсти и страдания.

Таким образом, представленные выше события даны именно в таком порядке, чтобы читатель не только запутался в своих догадках, но чтоб у него появилось чувство страха и желание изучать данный текст. Нарратор не просто передает воспоминания всех главных героев, а погружает читателя в их жизнь.

Выделим же основные художественные детали, которые автор искусно вплетает в процесс наррации. Сновидения и болезненное состояние Ордынова и Мурина формируют нагнетающую атмосферу повествования; ретроспективные вставки являются главным эпицентром нарративной интриги; трансформация

персонажей, в особенности Катерины, происходит только в квартире Мурина. Под трансформацией имеется в виду резкая смена поведения персонажей, например, Катерина ни с того ни с сего прогоняет Василия, хотя недавно хотела покинуть вместе с ним этот дом: «Пооди, пооди прочь, – прошептала она, – ты пьяный и злой! Ты не гость мне!.. – Тут она снова обратилась к старику и опять приковалась к нему своими очами» [2, с. 310]; открытый финал иллюстрирует полное отсутствие преобразования героев, так как каждый из них возвращается в исходную точку событий. И согласно исследованию Альфреда Бема, Мурин и Катерина могут быть рассмотрены как проявления сознания Ордынова.

В повести «Хозяйка» писатель впервые проявил свой творческий интерес к фольклорным загадкам и использовал их в поэтическом и психологическом контексте. Главные герои Катерина и Мурин, оказавшиеся по интриге сюжета в Петербурге, общаются друг с другом в скрытой форме загадок и тайного языка, создавая мрачную атмосферу, вовлекая в этот процесс Ордынова. Такая диалогическая связка-сцепка – это стандартное явление в народном искусстве загадывания. Сначала вступает в эту разговорную игру «колдун» Мурин, говоря: «Каждый загадывает свою загадку и пусть она сбудется по его желанию!». Катерина подхватывает его: «Загадай, мой старый друг! Попробуй угадать...». Затем Мурин снова обращается к ней в загадочной речи: «...давай, я загадаю...» и так далее [2, с. 307]. В ходе сюжета Достоевский хотел превратить разговорную речь героев в поэзию повествовательной техники и создать вокруг них атмосферу загадочности (эффект сфинкса). Следует отметить, что писатель использует загадочность и непонятность как художественный прием, который не подразумевает мгновенного понимания текста, а придает повествованию поэтичность и отстранение. Он создает впечатление, что главный герой будет счастлив с Катериной, но затем девушка оставляет Василия одного с его страхами, болезнями и страстью. Психологический анализ характеров (трансформации) героев – Катерины, Ильи Мурина и Василия Ордынова – представлены в виде сложной головоломки, которую читатель должен разгадать, и это иногда приводит к различным толкованиям исследователей.

Например, можно предположить такую формулировку психологического анализа характеров персонажей в структурной схеме энигматической интриги: Катерина и Мурин – это загадочная пара, которая является точкой перехода из мира живых в мир мертвых. Катерина притягивает к себе Василия (является ему во сне, до встречи в церкви), так как она хочет оставить его в мире сновидений (в мире мёртвых), как и Мурина («Старик был бледен как смерть, как будто готовый лишиться чувств. Он смотрел свинцовым, неподвижным, пронзающим взглядом на женщину. Она тоже побледнела сначала; но потом вся кровь бросилась ей в лицо и глаза ее как-то странно сверкнули» [2, с. 272]). Колдун, наоборот, не желал видеть Ордынова (один только взгляд колдуна при первой встрече пробудил Василия от чар Катерины-Хозяйки). То есть Илья Мурин пытался удержать всеми силами девушку, которая, в свою очередь, являясь его ученицей, стала хозяйкой его души, и теперь, полностью насытившись знаниями и жизнью старика, она завлекла в свои сети Василия навсегда: «Часто по целым часам, забыв себя и всю обыденную жизнь свою, забыв всё на свете, просиживал он

на одном месте, одинокий, унылый, безнадежно качал головой и, роняя безмолвные слезы, шептал про себя: «Катерина! голубица моя ненаглядная! Сестрица моя одинокая!..» [2, с. 319].

Нарратор в повести предстает перед читателями как «повествователь», который излагает события «от третьего лица» (В. Е. Хализев), то есть «повествователь» – «носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте» (Б. О. Корман) [5, с. 37]. Нарратор чередует явь и видения Ордынова так, что он и сам читатель не смогут понять до конца, чем для них обернулось посещение квартиры загадочной пары. Василий изначально попал под влияние Катерины и хотел спасти ее от Мурина, но постепенно выясняется, что и сама девушка в некотором роде подчинила себе колдуна.

Нарратор передает воспоминания Катерины как ложь, которую девушка приняла за правду. Мурин не просто убил ее мать, отца и возлюбленного Алешу, а сделал это так, чтобы она не только обвинила себя в их смерти, но также стала соучастницей преступления.

Только в ретроспективных вставках, которые нам показывает нарратор, мы видим, как Катерина сходит с ума. И именно это сумасшествие привлекает Ордынова, и теперь он готов даже убить самого колдуна. Но Катерина не допускает этого, поскольку не может отказаться от той силы и от Мурина, которого она подчинила себе, не может отказаться от прошлого. Не может она мертвая войти в мир живых, потому что Василий хочет убежать с ней, а не остаться с ними. В конце повести выясняется, что загадочная пара покинула дом, и тогда, возможно, Ордынов снова попадет под влияние Катерины, так как ее снова нужно спасти от колдуна. Итак, мы видим, как персонажи реализуются в процессе наррации, и в их действиях и событиях, которые произошли в прошлом и происходят в настоящем, раскрывается нарративная интрига повествования.

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать такой вывод: сама жизнь героев в квартире колдуна превратилась в бесконечный день, который состоял из таких художественных деталей, как сновидения, болезненное состояние, воспоминания и психологическая лихорадочность персонажей. Катерина и Василий, в отличие от колдуна Ильи, все еще испытывают чувства, но прошлое не оставляет в покое никого. «Странные» и «необъяснимые» (не «естественные») приключения Катерины-Хозяйки и ее спутников стали сюжетной интригой, а непостижимая, авантюрно запутанная, психология человеческих отношений – истинное художественное содержание и суть произведения. Единственное, что взаимосвязано в этой повести, так это глубокий анализ психологии персонажей Достоевским. Судьбы мечтателя, злодея и красавицы переплетены в одной истории, где смерть одного означает гибель остальных.

Библиографический список

1. Аристотель. Поэтика / Аристотель ; пер., введ. и примеч. Н. И. Новосадского. – Л. : Academia, 1927. – 120 с. – <https://clck.ru/3A3PoB> (дата обращения: 2.03.2024).

2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т: Т. 1. Бедные люди. Повести и рассказы / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1972. – 520 с. – <https://clck.ru/3A3QYA> (дата обращения: 27.02.2024).
3. Рикёр, П. Время и рассказ / П. Рикёр; пер. Т. В. Славко. – М. ; СПб. : ЦГНИИ ИНИОН РАН : Культурная инициатива : Университетская книга, 2000. – 31 с. – <https://clck.ru/3A3QQn> (дата обращения: 7.04.2024).
4. Тюпа, В. И. Нарративная стратегия романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. – 2011. – № 3 (18). – 2011. – 24 с. – <https://clck.ru/3A3Q3P> (дата обращения: 27.03.2024).
5. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры : Кошелев, 2003. – 311 с. – <https://clck.ru/3A3Q83> (дата обращения: 20.03.2024).